

Дмитрий Бертман уступил Сергею Прокофьеву

POSTIMEES RUS

02.02.2010 00:00

Альвар Лоог, поклонник оперы

Следует признать, что в последнее время среди оперных постановок театра «Эстония» почти каждая вторая работа (например, «Валленберг», Вагнер, Вихманд) становится исторически значимой, так или иначе ломает прежние рамки и долгое время казавшиеся непреодолимыми ограничения, стремится помочь как театру, так и аудитории вырасти из детских штанишек классицизма и романтизма итальянского образца.

Премьера оперы «Любовь к трем апельсинам» (1921), состоявшаяся в минувший четверг в театре «Эстония», прямая трансляция которой шла по обоим государственным телеканалам (sic!), продолжает этот ряд — первая в Эстонии постановка одной из самых известных опер Прокофьева действительно стала пробным камнем как для самой труппы, так и для публики.

«Апельсины», в вербально-музыкальной драматургии которых итальянская комедия дель арте соединена с русским балаганом, адресованы, как и можно было бы предположить, не столько детям и инфантильному взрослому зрителю, сколько «продвинутой» аудитории: той, которая духовно уже переросла как романтизм, так и реализм, и для которой категории комедии и трагедии в искусстве уже не столь различаются между собой.

Музыка богаче

Эта опера — сатира, однако сатира не столько на человека и общество, сколько на оперную традицию. Ее экстравагантную провокационную форму дополняет невинный дионисийский абсурд содержания.

Драматизм борьбы между добром и злом зиждется здесь наряду с любовью и корыстью еще и на таких сюжетных элементах, как ипохондрия, фруктофилия, платковый фетиш и черная магия. насыщенная гротескными фантазиями музыка Прокофьева преследует в первую очередь внешний эффект, что позволяет режиссеру ставить спектакль, опираясь исключительно на ритм.

Постановка блещущей фейерверками партитуры «Апельсинов» кажется, с одной стороны, достаточно простой, с другой же — необычайно сложной задачей.

Осмелюсь утверждать, что заслуженно пользующийся репутацией гения приглашенный постановщик Дмитрий Бертман с ней не справился.

Во всяком случае он не смог выйти на уровень своих прежних работ. Музыка Прокофьева в каждой сцене неизменно оказывалась богаче нюансами, остроумней и колоритней, чем постановка Бертмана.

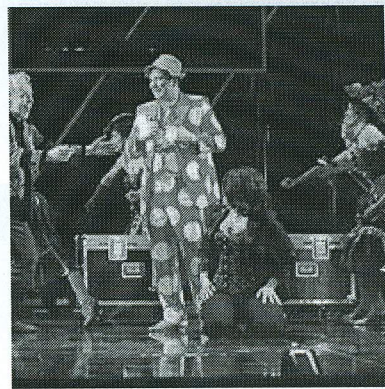
Бертман уступил себе

В программке к спектаклю Бертман заявляет о намерении предложить вниманию зрителя музыкальный театр, «подобно витамину» привносящий в суровый климат Северной Европы «солнце, энергию, фантазию». Если же вычлесть из конечного результата вклад Прокофьева и оркестра театра «Эстония», все предприятие, согласно вышеобозначенному критерию, можно в значительной мере считать провалом.

Постановке Бертмана и его команды недостает фантазии: минималистское, лишенное всякой образности оформление сцены (сплошные леса, экраны и ящики); костюмы исполнителей в темных тонах, лишенные какого-либо стилистического и временного единства; вялая хореография (кроме перемещений хора); видео на уровне школьного театра и т.д.

На слабо освещенной сцене слишком мало красок и блеска, при этом слишком много вступающих в противоречие с музыкой жизненных проявлений — вместо масок Бертман как будто попытался вывести динамичные характеры, которых в этом произведении просто нет.

Концептуально эта опера предоставляет бесконечное множество возможностей для создания сценического обрамления. Бертман&Со не воспользовались практически ни одной из них. Все образы с богатейшим семиотическим потенциалом (апельсины, Кухарка, платок, мышь и т.д.) оказались лишенными дублированных кодовых значений.

Март Мадисте (Принц), Урмас Пылдма (Труффальдино) и Хели Вескус (Фата Моргана) на генеральной репетиции оперы. Фото: Пеэтер Ланговитс

Бертман уступил себе

В программке к спектаклю Бертман заявляет о намерении предложить вниманию зрителя музыкальный театр, «подобно витамину» привносящий в суровый климат Северной Европы «солнце, энергию, фантазию». Если же вычесть из конечного результата вклад Прокофьева и оркестра театра «Эстония», все предприятие, согласно вышеобозначенному критерию, можно в значительной мере считать провалом.

Постановке Бертмана и его команды недостает фантазии: минималистское, лишенное всякой образности оформление сцены (сплошные леса, экраны и ящики); костюмы исполнителей в темных тонах, лишенные какого-либо стилистического и временного единства; вялая хореография (кроме перемещений хора); видео на уровне школьного театра и т.д.

На слабо освещенной сцене слишком мало красок и блеска, при этом слишком много вступающих в противоречие с музыкой жизненных проявлений — вместо масок Бертман как будто попытался вывести динамичные характеры, которых в этом произведении просто нет.

Концептуально эта опера предоставляет бесконечное множество возможностей для создания сценического обрамления. Бертман&Со не воспользовались практически ни одной из них. Все образы с богатейшим семиотическим потенциалом (апельсины, Кухарка, платок, мышь и т.д.) оказались лишенными дублированных кодовых значений.

Робкая социальная сатира (зависимость Принца от компьютерных игр, пара «острых» кадров на экранах) получилась беззубой. Сценическая непоследовательность и поверхностность были подчинены бесцельной эклектике.

Должен признаться, что я ожидал от встречи Прокофьева и Бертмана большего — эстетического динамита, деконструктивистского креатива, что, фигурально выражаясь, перенесло бы меня с одного балкона на другой. Но я продолжал сидеть на своем месте, по мере развития действия все глубже погружаясь в кресло.

«Любовь к трем апельсинам» является несомненно самой слабой из 11 увиденных мной постановок Бертмана. Следующей в этом рейтинге стоит премьера «Сказок Гофмана» в «Ванемуйне», которую я посмотрел три года назад. Любопытно, что обе эти работы созданы не в Эстонии, а перевезены сюда из родного для Бертмана московского театра «Геликон-Опера». Неужели во время транспортировки что-то потерялось?

И все же похвалы заслуживает перевод Неэме Кунинга, как, впрочем, и сама идея спеть эту оперу, рассчитанную на комический эффект, на эстонском языке. Оркестр под управлением Арво Вольмера с наслаждением жонглировал прокофьевской музыкой, ее звуковыми образами и мелодиями. На высоте был и молодой хор.

Соло Марта Лаура

«Любовь к трем апельсинам» является весьма благодатной для исполнителей постановкой, поскольку одновременно почти половина солистов оперного театра могут показать, на что они способны.

Вместе с тем она требует от исполнителей владения эффектом остранения (чему обычный оперный репертуар особо не потворствует), а также наличия комического дарования (хотя оперные исполнители обычно по своей группе крови и подготовке преимущественно трагики, склонные на сцене к сентиментальности, истеричности, убийствам и гибели).

Среди многочисленных вокально интересных, однако в сценическом отношении недоработанных ролей стоит отметить теноров Марта Мадисте (Принц) и Урмаса Пыльдма (Труффальдино). Особенно следует воздать должное басу Марту Лауру, поскольку его Кухарка оказалась единственным характером, до самого конца по замыслу соответствовавшим опере Прокофьева.

Сцена с его участием была единственной во всей опере, когда происходящее на сцене смогло по своей интенсивности угнаться за доносившейся из оркестровой ямы музыкой. С точки зрения этого очевидного контраста вся прозвучавшая выше критика должна стать особенно понятной.

Спектакль

«Любовь к трем апельсинам»

Сергей Прокофьев

Музыкальный руководитель и дирижер: Арво Вольмер

Постановщик: Дмитрий Бертман («Геликон-Опера», Москва)

Премьера 28 января в Национальной опере «Эстония»